

С. И. НИКОЛАЕВ

## Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в.

Творчество великого польского поэта эпохи Возрождения Яна Кохановского (1530—1584) было хорошо известно русским писателям и книжникам конца XVII—начала XVIII в. Воспитанники профессоров Киево-Могилянской коллегии, оказавшиеся в Москве в XVII в., твердо усваивали в классах поэтики, что Ян Кохановский — первейший польский поэт, учитель поэзии и образец для подражания, недаром в лекциях на протяжении десятилетий он не только обильно цитировался и разбирался, но ему даже приписывали произведения других авторов, причем псевдоэпиграфы можно встретить даже у такого тонкого знатока, как Феофан Прокопович.<sup>1</sup>

Но выученики профессоров «Киевских Афин» привезли в Москву не только убеждение, что Кохановский — poeta polonicus primus, но и его книги, получившие довольно широкое распространение у русских читателей второй половины XVII—первой трети XVIII в.: анализ состава русских библиотек той поры показывает, что Кохановский был самым читаемым польским (и вообще европейским) поэтом.<sup>2</sup> Его слава и авторитет не уменьшились и во второй половине XVIII в., хотя не выходили уже за предел курсов поэтики многочисленных духовных училищ России.<sup>3</sup> Таким образом, сбылось предсказание самого Кохановского:

Известен стану я Москве, и бусурманам,  
И света жителям иного — англичанам,  
Испанцу храброму, и немцам, и народу,  
Который Тибра пьет глубокоструйну воду.<sup>4</sup>

Между тем в истории восприятия Кохановского в России отсутствовало немаловажное звено: против ожидания до сих пор не было обнаружено переводов XVII—первой трети XVIII в., т. е. периода наибольшей популярности в России как самого Кохановского, так и польской поэзии вообще. Поиски переводов были безрезультатны, но вполне правомочны, поскольку в этот период на русский были переведены (включая переводы в курсах поэтики) произведения В. Коховского, Б. Папроцкого, С. Х. Любомирского, С. Твардовского, Я. Гавиньского, Ш. Шимоновица, М. К. Сарбевского, А. Инеса и других, менее значительных поэтов, не говоря уже о произведениях западноевропейской поэзии, переведившихся в России с польских переводов (например, «Освобожденный Иерусалим»

<sup>1</sup> См.: Ł u ż n y R. *Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966.

<sup>2</sup> См.: Л а б ы н ц е в Ю. А. Распространение польских произведений Яна Кохановского на фоне общей рецепции польской книги и литературы в России XVII в. // Советское славяноведение. 1980. № 6. С. 74—78; Н и к о л а е в С. И. Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // XVIII век. Сб. 14. Л., 1983. С. 165—179.

<sup>3</sup> См.: L e w i n P. *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972.

<sup>4</sup> Ко х а н о в с к и й Я. Лирика / Пер. с польского и латинского. М., 1970. С. 114 (пер. Л. Мартынова).

Т. Тассо). Лишь недавно были обнаружены переводы из «Псалтири Давида» (137-й пс.) и «Тренов» (3-й) Кохановского, выполненные в Вятке в 1741 г. преподавателем поэтики Михаилом Финицким.<sup>5</sup> Немногим лучше дело обстояло и позднее: следующий перевод появился лишь в 1829 г.<sup>6</sup>

В русской поэзии XVII в. есть только один памятник, связанный с именем Кохановского: это «Псалтирь рифмотворная» (1680) Симеона Полоцкого. Во втором предисловии к ней Симеон писал: «Видех и на приискрнем нашему славенскому языку диалекте полском книги печатныя, Псалтыр стихотворно преложенную содержащя, не точию во странах полских, но и в царствующем граде Москве обносимыя. <...> Мнози... возлюблше сладкое и согласное пение полския Псалтири, стиховно преложенныя, обыкоша тыя псалмы пети, речей убо или мало или ничтоже знающе и точию о сладости пения увеселяющесе духовне».<sup>7</sup> Эта отсылка на опыт соседней литературы, причем отсылка «глухая», так как Кохановский назван в предисловии «преводником полским», была сделана Симеоном Полоцким для пояснения и оправдания причин, побудивших его взяться за очень смелое в условиях XVII в. предприятие — за стихотворное переложение Псалтири. Эта отсылка была раскрыта уже в XVII в. патриархом Иоакимом, который в увещательном слове 1690 г. отметил, что Симеон Полоцкий свою книгу «или с полских книг... собра, или готовую преведе от Яна некоего Кохановского, латинина суща».<sup>8</sup> Заявление Иоакима, сделанное, несомненно, по подсказке Евфимия Чудовского, является лишним подтверждением популярности в Москве «Псалтири Давида» Кохановского в разных литературных партиях. Это заявление дало начало традиции (отзвуки ее, к сожалению, иногда слышны и сейчас), согласно которой Симеон перевел произведение Кохановского. По сути своей это неверно, более того, добросовестное сличение текстов Псалтири (Симеона Полоцкого, Я. Кохановского, славянского текста, польского, латинского и др.) показало, что зависимость Симеона от Кохановского сильно преувеличена.<sup>9</sup>

Наиболее очевидно влияние польского поэта в области версификации: полностью совпадает построение 68 псалмов. Однако влияния на уровне стилистическом и интерпретационном практически нет. Выявленные места, где это влияние безоговорочно сказалось, для текста подобного объема слишком незначительны, т. е. ренессансная концепция Кохановского не

<sup>5</sup> См.: Lewin P. Rosyjskie tłumaczenia z Jana Kochanowskiego // Archiwum literackie. T. 16. Miscellanea staropolskie. Wrocław, 1972. T. 4. S. 81—85.

<sup>6</sup> Это был анекдот о шуте Станьчике из «Апофегм», см.: Вестник Европы. 1829. Ч. 163, № 1. С. 64; польский оригинал см.: Kochanowski J. Dzieła polskie / Oprac. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1976. T. 2. S. 225. — Вопрос о переводах XIX в. нуждается в дальнейших библиографических разысканиях, ср.: Сувьенко Н. О tłumaczeniach utworów Jana Kochanowskiego na język rosyjski // Janowi Kochanowskiemu ziemia rodzinna. Kraków, 1981. (Rocznik Świętokrzyski. T. 9). S. 337—346; Мочалова В. К истории восприятия Яна Кохановского в России: («Трены» в оценке русской критики и в переводах) // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 41—53. — В этих работах первый перевод датирован 1842 г., когда в «Маяке» было опубликовано несколько тренов в переводе Писемского. Ср.: Николаев С. И. О ранних русских переводах Яна Кохановского // РЛ. 1985. № 4.

<sup>7</sup> Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и примеч. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 213. — Свидетельство Симеона не голословно, известно, что в русских песенниках XVII в. есть 11 псалмов Кохановского, транслитерированных кириллицей, все они есть в песеннике 1680-х гг. (ГПБ, собр. Погодина, № 1974); см.: Позднеев А. В. Светские польские песни в русских рукописных песенниках XVII в. // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 59.

<sup>8</sup> Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 137.

<sup>9</sup> См.: Смирнов Н. Из литературной образованности XVII столетия // ЖМНП. 1894. № 12. С. 375—401; Глокке Н. «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и ее отношение к польской Псалтыри Яна Кохановского // Киевские университетские известия. 1896. № 9—10. С. 1—18; Łużny R. «Psałterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psałterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. N 1. S. 3—27.

интересовала Симеона. Об этом, между прочим, он заявил сам во втором предисловии к своему переложению: «Тоже известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом, ни в толковании еже противу еврейскаго, но держахся словес псалтирных всячески и разума толкования приличнаго».<sup>10</sup>

Отрицание переводного характера «Псалтири рифмотворной» насколько не умаляет роли Кохановского, но она сказалась в другом: польский поэт был образцом для Симеона Полоцкого, вдохновил его, поэтому инспирирующая роль Кохановского в начале русской псалмической поэзии несомненна и неопределима.<sup>11</sup>

Почему все-таки силлабики, столь высоко ценившие Кохановского, не переводили его и остались в целом глухи к его поэзии? Ответить на этот вопрос можно будет только после сопоставительного анализа польской и русской поэзии и их взаимосвязей в XVII в. Обнаруженные переводы фразок, на полстолетия оставшиеся единственными стихами Кохановского на русском языке, а вторично переведенные на русский лишь триста лет спустя, хотя обшей картины принципиально не меняют, тем не менее показывают, что русская поэзия XVII в. не была совершенно безучастна к столь ценному самим Кохановским жанру.

Публикуемые тексты обнаружены в сборнике конца XVII в.<sup>12</sup> вместе с оригиналами и снабжены в рукописи точной, хотя и неполной библиографической ссылкой, что довольно редко встречается в переводной поэзии XVII в.

СТИХИ ВЫПИСАНЫ ИЗ КНИГИ ПОЛСКОЙ ЯНА КАХАНОВСКАГО, ЛИСТ 21

НА МЛАДОСТЬ

Яко без весны лето быти хотят,  
Иже прежити младым в твердости мнят.

ТОЖ ПО-ПОЛСКУ

Jakoby też rok bez wiosny mieć chcieli,  
Ktorzy chcą,<sup>13</sup> żeby młodzi nie szaleli.

НА СТАРОСТЬ

Бедная старость, вси тебе желаем,  
Внегда же уже будеши, рыдаем.

ПО-ПОЛСКУ ТОЖ

Biedna starość,<sup>14</sup> wszyscy cię żądamy,  
A kiedy przydziesz, to zaś narzekamy.

<sup>10</sup> Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. С. 214.

<sup>11</sup> Ср.: P e l c J. Inspiratorska rola Jana Kochanowskiego jako twórcy literatury narodowej w krajach słowiańskich i ościennych w dobie baroku // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 6. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Problematyka historyczna. Warszawa, 1983. S. 167—175.

<sup>12</sup> ГИМ, собр. Барсова, № 1531, сборник последней четверти XVII в., в большую 8-ку, 129 л. (по старой фолиации, по которой в дальнейшем и даются ссылки), переплет — картон в коже; из трех филиграней (две — типа филигранны «рожок» и одна — «семь провинций») удалось отождествить только последнюю; см.: Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дзанова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 873 (1684 г.). — Фрашки — на л. 11 об.—12. Владельческие записки-скрепы: «Сия книга разных вещей сибирскаго пехотнаго полку иерея Феодот[a] Гри<. . .> сына Смиренина домовая собственная купленная ево ценою. . . подписал я, иерей Феодот Смиренин своею рукою, обретаючись при Гельзинфорсе 1721-го году апреля в 5 день» (л. 4—44); «Сия книга глаголемая разных вещей села Никифорова церкви Николая Чудотворца дьячка Бориса Никитина сына Крылова, а подписал сын его Гаврил Борисов мая в 3 день, а дал сию книгу макарковский дьячек Григорий Михайлов сын Смиренин» (л. 70—97). Эту рукопись любезно указала мне Н. П. Саблина.

<sup>13</sup> Испр., в ркп. chsa.

<sup>14</sup> Испр., в ркп. starosti.

## НА СМЕРТЬ

Прелестный мире, яко же се зрится,  
Почих аз, паче сей многим глумится.

## ПО-ПОЛСКУ

Obłudny świecie, iakoć<sup>15</sup> się tu widzi,  
Doszedłem portu, już więc z inszych szydzi.<sup>16</sup>

По приведенным польским оригиналам легко устанавливается их источник — это 82—84-е фразки из первой части «Фрашек» (1584) Яна Кохановского.<sup>17</sup> Издание, которым воспользовался переводчик, можно указать лишь предположительно, поскольку в наших библиотеках есть только 7 из 12 изданий «Фрашек» XVI—XVII вв.<sup>18</sup> Из просмотренных нами<sup>19</sup> лишь в изданиях 1612, 1617, 1629 и 1639 гг. эти фразки напечатаны на указанной в переводе 21-й странице, а в изданиях 1584, 1590 и 1604 гг. — на 31-й странице, можно поэтому предположить, что у переводчика было издание не XVI в., а позднее издание XVII в., именно такие издания Кохановского и были преимущественно распространены в России.<sup>20</sup> Установить нужное издание на основании отличий приведенных в рукописи польских текстов от первого издания «Фрашек» затруднительно по той же причине. Эти отличия сводятся к четырем опискам («chsa» вместо «chca» в первой фразке, «starosti» вместо «starości» — во второй, «szudzi» вместо «szydzi» и «jakoś» вместо «jakoć» — в третьей); пятое различие («przydziesz» вместо «przydiesz» во второй фразке) может быть бесполезно при установлении нужного издания, так как такое написание в доступных нам изданиях «Фрашек» встретилось только в издании 1629 г.<sup>21</sup> По нашему предположению, именно оно и было в руках русского переводчика.

Уже внешнее оформление перевода показывает, что переводчик — привычный к общению с книгой человек и едва ли не профессионал. Об этом говорят не только ссылка на издание, но и приведенные польские

<sup>15</sup> Испр., в ркп. jakoś.

<sup>16</sup> Испр., в ркп. szudzi.

<sup>17</sup> Košanowski J. Dzieła polskie. T. 1. S. 150. Ср. современный перевод Л. Маргынова:

## НА МОЛОДОСТЬ

Как лета без весны желать — одно и то же  
Благоразумия хотеть от молодежи.

## НА СТАРОСТЬ

До тебя мы, старость, все дожить желаем,  
А сего достигнув, тебя проклинаям!

## НА СМЕРТЬ

О мир обманчивый, каким ты виден оку, —  
Достиг я гавани; других вводи в мороку.

(Кохановский Я. Лирика. С. 44—46).

<sup>18</sup> См.: Piekarzski K. Bibliografia dzieł Jana Kochanowskiego: Wiek XVI i XVII. Kraków, 1930. S. 26—34. — Вторым изданием этой книги, исправленным и дополненным (1934), нам воспользоваться не удалось.

<sup>19</sup> 1584 (ред. В — ГБЛ), 1590 (ред. В — ГПБ), 1604 (ред. В — БАН), 1612 (ред. В — БАН), 1617 (ред. В — ГБЛ), 1629 (ред. С — ГБЛ), 1639 (ред. С — БАН).

<sup>20</sup> Единственное известное нам исключение — это «Psalterz Dawidów» (Kraków, 1586) из библиотеки Сильвестра Медведева (ГБЛ).

<sup>21</sup> В изданиях 1590, 1604, 1612, 1617 гг. — «przydziesz»; 1639 — «przydiesz»; «przydziesz» также в изд. 1584 (ред. В) и 1584 (ред. А) гг., по которым опубликованы «Фразки» в кн.: Košanowski J. 1) Dzieła wszystkie. Warszawa, 1884. T. 2. S. 357; 2) Dzieła polskie. T. 1. S. 150.

тексты, наличие которых как бы предполагает оценку мастерства переводчика читателем. Перевод действительно сделан мастерски: сохраняя 11-сложник оригинала и не отклоняясь от содержания,<sup>22</sup> переводчик подыскивает фразеологические сочетания (*doszedłtem portu* — почих аз) и находит удачные эквиваленты (*szydzi* — глумится; *młodzi nie szaleli* — прежити младым в твердости), используя при этом устойчивые поэтические словосочетания (*obłudny świat* — прелестный мире). Это, к сожалению, все, что можно сказать об анонимном переводчике, так как в рукописи нет его имени, а также даты перевода. Сама рукопись представляет собой сборник выписок и небольших произведений последней четверти XVII в. Анализ состава сборника, и в первую очередь приписок составителя, позволяет приблизительно датировать перевод и высказать соображения о литературной среде, в которой он возник.

На л. 1—2 об. помещено слово о Христе, явившемся некоему старцу и поведавшем свои крестные муки; на л. 1 приписка: «списано у старца Евфимия». Затем идет слово «О трех царех, принесших дары во время рождества Христова» (л. 3—3 об.) с двумя приписками на л. 3: «рок[у] 1 [нрзб.] списано у учителя царва Афанасия Иоанновича»; вторая повторяет ее простейшим видом тайнописи, латинскими буквами, — «188 hod[у] u ucztela [clarewa ou afanasia ioannowicza». Это Афанасий Иоаннович Федосеев, который в 1667 г. был определен учить грамоте царевича Федора Алексеевича; жил в Чудовом монастыре и известен как «славенска писания учитель». К нему в марте 1685 г. хотели поселить прибывших в Москву «самобратьев» Лихудов, но позднее их поместили в Богоявленском монастыре, где они и открыли свою школу.<sup>23</sup> В литературной жизни Москвы 1670—1680-х гг. Афанасий, видимо, играл не последнюю роль: в 1679 г. он «понутил» Мардария Хоникова (Ханыкова) переложить с латыни стихотворные подписи к Библии Николая Пискатора, в предисловии к своему труду Мардарий называет Афанасия «мужем всеблагим» и «рачителем писаний».<sup>24</sup>

Далее в сборнике идет «Врачевство на богохулныя и скверныя мысли от бесов человеком наносимыя, а не от человеческия воли бываемая» (л. 4—8 об.) с двумя приписками на л. 4: «списано у старца Мардария» и «spisano u starca mardaria». Затем на л. 8 об. небольшая выписка «Лекарство глазам» с припиской (частично простой литореей): «Spisano niekoeogo czełowieka czynom podiaczego zowomaho lkezap szostosz s slow» (т. е. «списано некоего человека чином подиачего зовомаго Стефам (так! — С. Н.) Волков с слов»). После «Словес всякому человеку всегда разсуждати и памятовати треба» (л. 9—9 об.), прозой и переложенных стихами, на л. 9 записан «Эпитафион»:

Лета семь тысяч по мира зданию,  
Сто же осмьдесят седмаго в званию;  
Марта во осмый день zde есть погребен  
Бывый Иоани Иоанном рожден.  
Сие читай, помолися о нем,  
Не лишился бо и ты ползы о сем,

с двумя приписками на полях. Одна из них — пояснение к слову «эпитафион»: «[н]агробная надпись [от]ца моего»; вторая, латиницей, — «słoh star: mar:» (т. е. «слог стар[ца] мар[дария]»), несомненно, упомянутого

<sup>22</sup> В переводе третьей фразки с этим менее удачно справился Вс. Рождественский:

Угнетены печалями своими,  
Лишь в порт войдем, смеемся над другими.

(Кохановский Я. Избранные произведения.  
М.; Л., 1960. С. 106).

<sup>23</sup> См.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1889. С. 37.

<sup>24</sup> Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 180.

выше Мардария Хоникова, справщика Печатного двора. Следующие выписки в рукописи также связаны с Мардарием. На л. 10 «Приповесть»: «Людие суть яко очи: иных видят, себе же никакю; островижевы вне дома, в дому же своем кротовы». Тут же приписка: «spisan u s: mar:» (т. е. «списан у с[тарца] мар[дария]»). «Приповесть» записана в строку, при перестановке местами слов «яко» и «очи» получается четверостишие (8-сложник, во втором стихе 10 слогов).<sup>25</sup> На том же л. 10:

Аще во веки хоцет кто не согрешати,  
Сей должен есть смерть, суд, ад, небо поминати.  
Да тцится же первых трех присно хранитися,  
Во четвертом же оном вечно вселитися.  
Аще хоцещи в час смерти бед не познати,  
Потщися лестей мирских присно убогати.

Приписка к виршику: «spisan: u st: mar:» (т. е. «списан[о] у ст[арца] Мар[дария]»).

На л. 10—10 об. записан ответ на вопрос «Что в бозе видети будут благословеннии?» с пометой «iz knihi wienec wieryu» (т. е. «из книги Венец веры [кафолической]» Симеона Полоцкого). На л. 10 об.—11 записано толкование на 4-й стих 145-го псалма с пометой «spisan: u st: mar:» (т. е. «списан[о] у ст[арца] мар[дария]»); на л. 11—11 об. — «Загадка царя Антиоха ко Аполлину» из Повести об Аполлони Тирском с пометой «wypisano iz dieu rimskich» (т. е. «выписано из Дей римских»); на л. 11 об.—12 — перевод фразек Я. Кожановского. На л. 12—12 об. записаны «Вирши просительныя ко господу Богу о милости некоего полоняника szinom skospitu laroysa pitosesza». Здесь кроме латиницы использована простая литорея (т. е. «чином столника Самойла Николева»), приписка на поле: «przegwodil stares mardariu i spisano s ruki ewo» (т. е. «переводил старец Мардарий и списано с руки ево»). Стольник Самойло Федорович Николев,<sup>26</sup> сын выезжего француза (Nicol de Manor) и сам родившийся в католичестве, был крестником знаменитого мецената Ф. М. Ртищева<sup>27</sup> и, очевидно, через него был знаком с литераторами, служившими на Печатном дворе, в данном случае с Мардарием Хониковым. «Вирши просительные» С. Ф. Николева (тайнопись, как известно, самый надежный способ атрибуции)<sup>28</sup> — еще один перевод Мардария, вероятно, с латыни. Приводим текст «Вирш просительных».

Иисусе, владыко мой,  
Ты утеха, есмь бо раб твой,  
Иже при пути плененный,  
Биен, зелне оскорбленный.  
Прилежно вси да внимаем,  
Егда в мире пребываем.  
Крест смерти, спасе, твоея,  
Защита души моея.  
Ибо кроме щедрот всяких,  
Ради злых дел моих клятых  
Был еси окровавленный,  
Да от грех буду спасенный.  
До конца ты мене храни,  
Вредити мя злым возбрани,  
Да искус всяк души моей  
Не вредит о силе твоей.

Такожде здравие мое  
В милосердие же твое,  
Господи, аз повергаю,  
Искупления желаю,  
Понеже бо есмь заключен,  
Человеком злым оскорблен.  
Ангел твой буди со мною  
Всюду весма предо мною.  
Десно око соблюдай  
И шуйй бок назираяй,  
На всякий час молю о сем,  
Быти в защищении сем.  
Благодарим убо бога,  
Да будет ему честь многа.  
Слава же от всех во веки  
От ангел со человеки.

<sup>25</sup> Не исключено, что это перевод какой-нибудь польской эпиграммы, в которой использована известная польская поговорка XVI—XVII вв.: «Ostrowidzowie przed domem, w domu swoim kretowi własni» (Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 750).

<sup>26</sup> Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 293.

<sup>27</sup> См.: Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. «Романова—Рясковский». С. 334.

<sup>28</sup> См.: Л и х а ч е в Д. С. Текстология: На материале русской литературы XI—XVII вв. Л., 1983. С. 321.

На л. 12 об.—24 помещены следующие выписки и заметки без приписок: «Вопрос списан с руки Павла, митрополита сарскаго и подоискаго», «Ответ списан с руки иеромонаха Симеона Полоцкаго» и «Ответ списан с руки иеромонаха Епифания Славинецкаго» — о времени пресуществления святых даров; «Мосхос есть животное малое, мыши подобное», о гермафродите, отрывок сказания о семи свободных искусствах, оглавление книг Ветхого и Нового завета, «О имени божии тетраграмматон», расположение часов дневных и ночных, притча о душевном врачевании. На л. 24 об.—27 об. — небольшое сочинение «О силе и власти пап римских» с припиской на поле: «spisano s ruki swiaszczennika nikiфора simeonowicza» (т. е. «списано с руки священника Никифора Симеоновича»). Из предыдущих (а как увидим, и из последующих) приписок очевидна связь составителя сборника с кругом литераторов Печатного двора и Чудова монастыря, поэтому в этом священнике можно узнать сотрудника Епифания Славинецкаго «вдового иерея Никифора Семенова», служившего на Печатном дворе с 1665 до марта 1680 г., когда его место занял Мардарий Хоников.<sup>29</sup> Само сочинение «О силе и власти пап римских» известно также по сборнику, принадлежавшему Афанасию Холмогорскому и написанному в Чудовом монастыре в 1685 г. (БАН, собр. Архангельское С, № 164),<sup>30</sup> т. е. примерно в то же время, что и рассматриваемый сборник ГИМ.

Далее в сборнике на л. 28—29 об. помещены вирши — «Речь до начальных людей», «До начальных же», «На смерть»; выписки из «Неба нового» Иоанникия Галятовского, «Купели душевной» Роговича, заметка «О житии воздержном краткое писанейце» с припиской: «spisano s ruki star: mar:» (т. е. «списано с руки стар[ца] Мар[дария]»). Отметим, что «Купель душевная» была переведена с польского в 1684 г. чудовским монахом Феофаном. На л. 29 наклеена напечатанная в Вильне картинка с изображением богородицы.

На л. 30 записано стихотворение «На младость» («Юноше, не почивай на постланном ложи») с припиской: «s ruki star: ewfim: czudow:» (т. е. «с руки стар[ца] Евфим[ия] Чудов[ского]»). Евфимия Чудовского, надо полагать, подразумевает и приписка на л. 1. Это стихотворение известно в конвое «Гражданства обычаев детских»,<sup>31</sup> переведенного, возможно, Епифанием Славинецким.<sup>32</sup> На этом же листе записаны рецепт приготовления чернил («Чернил скорый состав») и двустилишие «Надпись к рукомоинику, а человеку добра»:

Приходяй лице же и руки умывати,  
Тщися же присно, друже, смерть воспоминати,

— с краткой припиской на поле: «mar:» (т. е. «Мар[дарий]»).

На л. 30 об.—31 помещен «Подарок учащимся детям во младости» — знаменитые вирши о розге; отметим, что в сборнике 1685 г. Афанасия Холмогорского (БАН, собр. Архангельское С, № 164) они также помещены после стихотворения «На младость».<sup>33</sup>

На л. 31—31 об. — небольшая выписка об изобретении пороха и приписка в конце: «Зри книг[y] Архелиа (так! — С. Н.) albo Awtilleria, drukowana polski roku 1643, in folio».

<sup>29</sup> См.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев: Его жизнь и деятельность. М., 1896. С. 167, 169, 175, 396.

<sup>30</sup> О составе сборника см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. Сб. 3. С. 294—295.

<sup>31</sup> См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 164.

<sup>32</sup> См. подробнее: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. Ср.: Численко Н. Д. «Гражданство обычаев детских» и его польский источник // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 5—17.

<sup>33</sup> Ср.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. С. 164.

На л. 32—37 — «История о венчании царским венцем царя и великого князя Феодора Алексеевича», памятник, по мнению И. М. Кудрявцева, составленный в 1676 г. в Посольском приказе.<sup>34</sup>

На л. 37 об.—38 — заметка «Аристотель философ Александру Македонскому сие писа» с припиской, сделанной условным алфавитом. Аналогичный шифр (с незначительными графическими отличиями) употреблялся в Посольском приказе и известен нам по переписке 1670-х гг. русского посланника в Польше В. М. Тяпкина.<sup>35</sup> Подстановка букв дает следующую расшифровку (не расшифровано одно слово из пяти букв): «списано у священника Кариона Чудовского [. . . .] 7199» (т. е. 1691 г.).

На л. 38—38 об. — слово Иоанна Дамаскина о Пасхе и приписка: «spisano u diakona wasilia rozdestwenskocho wo 199 hodu» (т. е. «списано у дьякона Василия Рождественского во 199 году»); на л. 39—39 об. — известные вирши «Что есть смерть, потреба знати. . .» с припиской: «spisano u wasilia szernoho stepanowicza wo 199 hodu iulia wo 20 den» (т. е. «списано у Василия Черного Степановича во 199 году июля во 20 день»). Об этих Василиях определенных данных нет. Дьякона Василия не удалось найти среди причта этого года Рождественского монастыря или московских Рождественских церквей.<sup>36</sup> Второй Василий — лицо явно светское, и, учитывая, что предыдущая часть сборника связана с Печатным двором, можно с некоторой долей вероятности предположить, что это тередорщик Василий Степанов, значащийся в штате Печатного двора в 1683 г.<sup>37</sup>

На л. 40—51, 52—52 об. — «Выписано из книги Яна Запсица о добронравии человеческом краткими речениями сладостне и зело изящно изображено». Это более известный под заглавием «Выдание о добронравии» перевод с польского, сделанный переводчиком Посольского приказа С. Ф. Чижиным в июне 1691 г.<sup>38</sup>

На л. 51 об. записаны две эпитафии:

#### НАДПИСЬ ГРОБНАЯ ŻENY MOJEA EWFIMIY PETROWNY TAKOWA

Зри, человеце, гроб сей, богу помолися,  
Зде Евфимия жена умерши склонися,  
Михаила подьячего Посолска приказа  
Родостамова, та ждет от Христа указа.  
Да егда придет он в славе люд судити,  
Изволил бы ю в небо на веки вселити.  
Седьмь тысящ девятьдесят в лето сто девято.  
В двадесят четвертый день мая жизнь отъято.

#### НАГРОБОК STARUCHIE PEŁANIY

Седьмь тысящ девятьдесят ста девяца лета,  
Мая в двадесят пят день разлучися света  
Раба божия вдова честна Пелагия,  
Дщерь Афанасиева надежды благия.

<sup>34</sup> См.: Кудрявцев И. М. «Издательская деятельность» Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 206—207.

<sup>35</sup> Попов А. Русское посольство в Польше в 1673—1677 гг. СПб., 1854. С. 274—276.

<sup>36</sup> См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. М., 1884. Т. 1. — Отметим, правда, упоминания за 1705—1711 гг. о дьяконе Василии в церкви Рождества Богородицы в Кадашеве и упоминания за 1684 г. о поше Василии в соборе Рождества Богородицы (Там же. Стб. 889, 180).

<sup>37</sup> См.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие // Труды XV археологического съезда в Новгороде 1911 г. М., 1916. Т. 2. С. 305.

<sup>38</sup> Этот список не учтен в исследовании и издании этого перевода, см.: Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163—192. — Пользуюсь случаем указать еще два списка XVII в. этого перевода: ГБЛ, собр. Попова, № 166, л. 175—181 об.; БАН, 24.5.19.

Жена бысть Иоанна Емелианова  
 Пивовара, зде зяят телом земна рова.  
 Просит у всех христиан о душе молитвы.  
 Боже, сподоби ону небесной гоститвы.

Упомянутый в первой эпитафии Михаил Иванович Родостамов известен как подьячий, а затем и дьяк Посольского приказа.<sup>39</sup> Без особой натяжки его можно отождествить с Михаилом Родостамовым, служившим писцом, а потом подьячим на Печатном дворе в 1670-х—начале 1680-х гг.: в 1674 г. он вошел вместе с Евфимием Чудовским, Сергием и Никифором Семеновым в библейскую комиссию, которую возглавил Епифаний Славинецкий, а в 1683 г. был подьячим Верхней типографии.<sup>40</sup>

На л. 53—61 об. помещено «Поучение пред святым покаянием, написанное иереем Иоанном Поборским» (без конца) с припиской: «spisano u stolnika michaila rtiszewa» (т. е. «списано у стольника Михаила Ртищева»). Это единственное известное нам произведение Иоанна Поборского, который в 1687—1701 гг. был священником церкви Воскресения Христова в Кремле, а в 1697—1698 гг. принимал участие в Великом посольстве Петра I. Он определенно был связан с культурными кругами Москвы, познакомился в свое время с филологом Г. В. Лудольфом, переписывался с ним,<sup>41</sup> а последний подарил ему свою «Русскую грамматику», изданную в Оксфорде в 1696 г.

Комнатный стольник царя Иоанна Алексеевича Михаил Федорович Ртищев,<sup>42</sup> отправленный Петром I в 1697 г. в Италию, был племянником Ф. М. Ртищева и поддерживал дружеские отношения с упоминавшимся стольником С. Ф. Николевым. Надо полагать, что от своего дяди М. Ф. Ртищев унаследовал не только богатую библиотеку,<sup>43</sup> но и связи в литературных кругах Москвы, прежде всего с Чудовым монастырем.

На л. 62—76 (л. 69, 74—75 отсутствуют, а л. 63 об., 68, 76 об. — без текста) записано несколько силлабических стихотворений. Одно из них (о Пасхе, л. 76) имеет приписку: «sey stich tworil perewodczik stefan czizinskoj» (т. е. «сей стих творил переводчик Стефан Чижинской»). Это тот самый С. Ф. Чижинский, чей перевод «Выдания о добронравии» помещен на л. 40—51, 52—52 об.

На л. 77—79 записана молитва «за их царское величество» с припиской: «списана у иноземца Ивана Якимова» — с датой 1695 г. И. Якимов известен своими переводами с немецкого календарей Я. Фохта на 1676, 1693 и 1694 гг.<sup>44</sup> На л. 79 об.—84 помещен «Рецепт противу горести смер-

<sup>39</sup> См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 449; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 131. — По данным И. М. Кудрявцева, М. Родостамов уже в 1685 г. был подьячим Посольского приказа, см.: Кудрявцев И. М. «Издательская деятельность» Посольского приказа. С. 214. — Дьяком Посольского приказа М. Родостамов оставался по меньшей мере до Полтавской битвы, как видно из письма канцлера Г. И. Головкина от 19 июля 1709 г. См.: Древняя и новая Россия. 1876. № 2. С. 201.

<sup>40</sup> См.: Менцовский М. Братья Лихуды. С. 392; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. С. 304, 308, XXV.

<sup>41</sup> См. его письмо Г. В. Лудольфу 1698 г.: ГПБ, ф. 444, № 6. Находившиеся в Москве иезуиты считали, что «единственным человеком, способным произносить проповеди, остается отец Поборский, царский духовник, весьма доброжелательно относящийся к нашим» (письмо Франциска Эмилиана 1699 г). См.: Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 29—30; см. также: Хартманович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 313—314.

<sup>42</sup> См.: Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. С. 359.

<sup>43</sup> См.: Русский биографический словарь. Т. «Романова—Рясовский». С. 343.

<sup>44</sup> См.: Соболевский А. И. Переводная литература... С. 136. — Календари Я. Фохта на 1690, 1691, 1692, 1695 и 1696 гг. были переведены переводчиками Посольского приказа (там же. С. 135—136); очевидно, Якимов был переводчиком в этом же приказе.

тельной, переведен с цесарского языка»; на л. 86—86 об. записан стихотворный панегирик Петру I «Каменем Давид гиганта порази. . .» с припиской: «sini wirszy spisany u michaïła fedorowicza rtiszewa ewo tworenia, w 1700 roku henvaria v 18 den» (т. е. «сии вирши списаны у Михаила Федоровича Ртищева, ево творения, в 1700 году генваря в 18 день»).

На л. 87—96 об. читается медицинское сочинение «Из лечебной книги дохтора Иоанна Бевервиния сказание о болезни сухотной» с припиской: «списано в 7202 roku s ruki diaka andreia winiуса w noiabre miesiace» (т. е. «списано в 7202 году с руки дьяка Андрея Виниуса в ноябре месяце»). Андрей Андреевич Виниус — достаточно заметная фигура в культурной жизни Москвы того времени и в представлении не нуждается, отметим лишь, что в указанном 1693 г. он был дьяком Посольского приказа.

Далее (с л. 97) идет другое медицинское сочинение — «Описание изрядного спирта, или духа, из травы кохлеарин нареченной», а после него (л. 104—104 об.) — комплекс текстов, начинающийся виршиком «Коло в мире превращает» (известный в другой рукописи XVII в.,<sup>45</sup> а в XVIII в. попавший в дубок)<sup>46</sup> с приписками: «списано у писца Ивана Дмитриева» и «spisasia w 1700 roku». О писце И. Дмитриеве можно высказаться лишь предположительно. Известно, что у братьев Лихудов в 1690—1691 гг. обучался Иван Дмитриев,<sup>47</sup> о дальнейшей судьбе которого ничего не известно.

Заключает сборник «Наука разных философов о обирании жены» (л. 107—124 об.) — перевод неоднократно издававшейся в XVI—XVII вв. сатирической книги польского писателя Бартоша Папроцкого (ок. 1543—1614) «Nauka rozmaitych filozofów obierania żony, jako młodzieńcom jedni radzą, drudzy odradzają żenić się dla przyczyn rozmaitych».<sup>48</sup>

Лл. 125—126 отсутствуют, на л. 127—128 выписаны различные стихи из Библии, л. 128 об.—129 — без текста, л. 129 об. — пробы пера.

Прежде чем перейти к анализу сборника, отметим, что известна еще одна рукопись XVII в. с аналогичными приписками — ГИМ, Синодальное собр., № 776. В ней, по указанию А. И. Соболевского, на л. 1 записан перевод небольшого стихотворения Григория Богослова «О житии человеческого» («Коло есть некое непостоянное водружено. . .») с припиской латиницей: «списано у старца Сергия справщика»; в несколько исправленном виде это стихотворение напечатал Ф. Поликарпов в своем «Букваре» (М., 1701. Лл. 69 об.—70). Вслед за стихотворением в рукописи ГИМ, Синодальное собр., № 776 идет «Подпись на вертоград личной, переведена с италянского» с припиской латиницей: «списано во 195 году у стольника Самойла Николева».<sup>49</sup> В 1766 г. эти произведения были скопированы неким синодальным служителем вместе с приписками.<sup>50</sup> По указанию А. И. Соболевского, «Подпись на вертоград личной» известна также в автографе Кариона Истомина.<sup>51</sup> Из упомянутых здесь лиц С. Ф. Николев уже встречался нам ранее, хорошо известен и справщик Сергей: бывший

<sup>45</sup> См.: Николаев С. И. К интерпретации притчи А. П. Сумарокова «Коловратность» // РЛ. 1982. № 1.

<sup>46</sup> См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 88 (№ 731).

<sup>47</sup> См.: Забелин И. Е. Материалы для истории, статистики и археологии г. Москвы. Т. 1. Стб. 1045, 1046; Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 82.

<sup>48</sup> О русских переводах второй половины XVII в. других сочинений Б. Папроцкого см.: Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 80—81, 172; Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы республиканской конференции СНО. 1977: Русская филология. Тарту, 1977. С. 14—29.

<sup>49</sup> Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 253—254, 297.

<sup>50</sup> БАН, собр. Археографической ком., № 90, л. 6. об.—8.

<sup>51</sup> Соболевский А. И. Переводная литература. . . С. 254 Ср.: Протасьева Т. И. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 166 (№ 290).

игумен Путивльской Молченской пустыни Сергей работал с перерывом на Печатном дворе с 1669 г., в 1674 г. входил в библейскую комиссию Епифания Славинецкого, с 1687 г. был начальником Печатного двора, после его смерти в феврале 1698 г. начальником Печатного двора был назначен Карион Истомин.<sup>52</sup>

Довольно подробное рассмотрение содержания сборника ГИМ было необходимо для датировки перевода фрашек Я. Кохановского и установления если не переводчика, то литературной среды, в которой перевод появился. Обзор содержания позволяет заключить, что сборник состоит как бы из двух частей. Первая часть, заполненная в 1680-е гг. (до л. 40), связана с Печатным двором, вторая, относящаяся к 1690-м гг., — с Посольским приказом. Об этом делении говорят не только упомянутые в многочисленных приписках имена, но и сам подбор произведений.

На основании приписок можно уверенно говорить не только о знакомстве составителя сборника с сотрудниками Печатного двора, а потом Посольского приказа, но и о близости к ним, поскольку он получал для переписки рукописи, принадлежавшие нескольким видным литераторам эпохи, в том числе и авторские. Благодаря этой близости составитель сборника очень хорошо осведомлен в деталях литературной жизни и сообщает много ранее совершенно неизвестных сведений о литературных занятиях Мардария Хоникова, С. Ф. Николева, Ф. М. Ртищева, С. Ф. Чижинского и др. Поэтому первая часть сборника является как бы хроникой литературной жизни кружка писателей, связанных с Печатным двором, причем не основной их деятельности, профессиональной, а любительской.<sup>53</sup> По этой причине в сборнике большинство произведений — новинки, которые сразу по их появлению составитель заносил в свой «альбом» по авторским или верным («с руки ево») рукописям. Исходя из этого наблюдения, считаем возможным датировать перевод фрашек Я. Кохановского, сообразуясь с их положением в рукописи, началом 1680-х гг.

Перевод возник в кругу поэтов, связанных с Печатным двором, но указать переводчика даже предположительно рискованно, так как на Печатном дворе в то время служило несколько поэтов, среди них Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Мардарий Хоников. У Сильвестра Медведева, например, были превосходно подобраны сочинения Яна Кохановского, но он как раз наименее подходящая кандидатура вероятного переводчика, так как составитель сборника его ни разу не упоминает, да и вообще заметно его тяготение к литераторам Чудова монастыря.

Если вопрос о переводчике остается открытым, то попытка установить, кто составил сборник, имеет достаточные основания. Как явствует из обзора содержания сборника, составитель его сначала был связан с Печатным двором, а затем с Посольским приказом, поэтому, скорее всего, был светским лицом. В этой связи представляет интерес приведенная выше эпитафия жене М. И. Родостамова. Она уже была дважды опубликована по тексту надгробной плиты<sup>54</sup> и, конечно, без заголовка. В заголовке («Надпись гробная żену moeia Ewfirmiy Petrownu такова») примечательно не только наличие отчества, которого в тексте эпитафии нет, но и употребление латиницы, которой составитель сборника обычно «шифровал» свои приписки. Уместно поэтому предположить, что составитель записал латинскими буквами имя своей жены, а поскольку в эпитафии муж назван, то составителя сборника можно считать установленным. Это бывший писец, а затем подьячий Печатного двора М. И. Родостамов, в середине 1680-х гг.

<sup>52</sup> См.: Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 136.

<sup>53</sup> О писателях, связанных с Печатным двором, см.: Пяченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 116—129, 144—150.

<sup>54</sup> См.: Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6. С. 231; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3. С. 38.

ставший подьячим Посольского приказа, а в июле 1695 г. дьяком того же приказа. Приведем дополнительные соображения. На л. 96 об. под припиской с именем А. А. Виниуса записана лигатура из букв PMR, которую можно раскрыть как «подьячий Михаил Родостамов»; на л. 9 записана приведенная выше эпитафия некоему Иоанну Иоанновичу, сочиненная в 1679 г. Мардарием. Если наше предположение о составителе сборника верно, то приписка на поле («[н]агробная надпись [от]ца моего») не противоречит нашему предположению, так как отчество Михаила Родостамова известно по документам — Иванович. Лигатура PMR встречается также в записи на черновом экземпляре «Жития Варлаама и Иоасафа», правленном Симеоном Полоцким: «Pisasia lieta 7188 rukoiu mnohohriesz-naho podiaczeho PMR».<sup>55</sup> Эта запись окончательно подтверждает причастность составителя сборника к Печатному двору, точнее, к Верхней типографии.

Установив составителя сборника, мы мало приближаемся к решению вопроса об атрибуции перевода фрашек. Может возникнуть соблазн атрибутировать перевод Родостамову. Для этого есть аргументы, хоть и слабые. Во-первых, он безусловно знал польский язык, о чем красноречиво говорят выписки на польском языке, а также некоторые особенности употребления им латинских букв; во-вторых, рядом с переводом нет привычной для этого сборника приписки «списано», — напротив, сказано, что «стихи выписаны из книги полской». Однако надо признать, что этих фактов недостаточно для выдвижения гипотезы, это всего лишь догадка. Важно другое: анализ сборника говорит о том, что переводчика следует искать скорее среди литераторов Печатного двора, близких к Чудову монастырю, а вовсе не среди записных полонофилов. Как наиболее вероятного кандидата, кроме М. Родостамова, мы бы назвали Мардария Хоникова, известного по другим стихотворным переводам, поскольку фразки Кохановского находятся в сборнике между произведениями, списанными у Мардария.<sup>56</sup>

Характеризуя перевод фрашек, мы отметили его несомненно высокий уровень. Но переводчика отличали еще и тонкая интуиция и ориентация в современной ему поэзии, проявившиеся в выборе фрашек. Ян Кохановский писал о своих «безделках»:

Здесь несерьезное смешалось с серьезным,  
Кому что нравится, тому купить не поздно.  
Пусть каждый, взяв свое, остаток даст другим.  
Довольны будут все здесь выбором своим.<sup>57</sup>

Из огромного тематического разнообразия «безделок» польского поэта, «полусмешных, полупечальных», злых инвектив и веселых эпиграмм, переводов из Греческой антологии и Катулла, перемешанных с анекдотами, философскими размышлениями и эпитафиями,<sup>58</sup> русский переводчик безошибочно выбрал те фразки, которые (едва ли не единственные) могли органично вписаться в русскую силлабическую поэзию конца XVII в. Неслучайность его выбора подтверждается историей этих фразек в творчестве Кохановского. Все три двустишия вошли в другое произведение поэта, «На XII ступеней человеческой жизни»,<sup>59</sup> опубликованное уже

<sup>55</sup> ГИМ, Синодальное собр., № 766, л. III.

<sup>56</sup> В 1680—1690-х гг. справщиком Печатного двора был иеродиакон Чудова монастыря Феофан, неутомимый переводчик с польского. Но он начал службу только в 1682 г. (как и Карион Истомин) и вряд ли может рассматриваться как вероятный переводчик.

<sup>57</sup> Кохановский Я. Избранные произведения. С. 162.

<sup>58</sup> О фразках см. подробно в кн.: P e l c J. Jan Kochanowski. Szczyt Renesansu w literaturze polskiej. Warszawa, 1980. S. 270—307.

<sup>59</sup> K o s h a n o w s k i J. Dzieła polskie. T. 2. S. 44—45; Кохановский Я. Избранные произведения. С. 105—106. — Это произведение не рассматривалось нами как возможный источник русского перевода по следующим соображениям: ни в одном

посмертно во «Фрагментах» (1590). Этот цикл двустийший имеет несомненные аналогии с популярным в XVI в. эмблематическим изданием «Таблица Кебета» («*Cebetis Thebani, Socratis discipuli, Tabula, vitae totius humanae cursum grafice continens*») — нравоучительной панорамой человеческой жизни от рождения до смерти, с афористическими подписями.<sup>60</sup> Представленная в «Таблице Кебета» философия жизни сродни некоторым древнерусским поучениям (ср. популярную в рукописной традиции статью «О седмицах жития человеческого»), да и сама «Таблица» вскоре отразилась в русской лубочной картинке «Возраст человеческий».<sup>61</sup> Вот эту расхожую философию интуитивно и уловил русский переводчик во фразках польского поэта. По всей вероятности, он не знал ни «Таблицы Кебета», ни цикла двустийший Кохановского, однако безошибочно выбрал из почти трехсот фразек три далеко не самые характерные для Кохановского, зато наиболее приемлемые для русской стихотворной культуры XVII в. В целом можно сказать, что разобранный эпизод с переводом на русский язык фразек Я. Кохановского в миниатюре отражает основное направление восприятия польской поэзии в России в XVII в.

---

из просмотренных изданий XVI—XVII вв. оно не печаталось на 21 странице; разночтение в последнем двустийши («*omylny swiecie*» вместо «*obłudny swiecie*») говорит в пользу фразек.

<sup>60</sup> См.: P e l c J. *Obraz — Słowo — Znak: Studium o emblematach w literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1973. S. 109—112.

<sup>61</sup> См.: Р о в и н с к и й Д. Русские народные картинки. Кн. 3. С. 102—104. — Сама «Таблица Кебета» (или «Картина») неоднократно переводилась на русский язык в XVIII—XIX вв., первый перевод принадлежит А. К. Барсову (1725 г. — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 204), второй — А. Д. Кантемиру (1729), однако стала она известна значительно раньше, еще в XVI в. ее цитировал Максим Грек. См.: Б у л а н и н Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 24—25.